

ӨРАКІЙСКІЯ ЭЛЕГІИ, *

СТИХОТВОРЕНІЯ ВИКТОРА ТЕПЛЯКОВА. 1836.

Въ наше время молодому челоѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудро, сядясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона, и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чильдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой челоѣкъ еще и поэтъ и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія? Можно ли за то его укорять? Талантъ, неволенъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе — признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новыя міры, стремясь по слѣдамъ генія, — или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное: желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь.

---

* Отпечатаны и на днѣхъ поступать въ продажу.

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чильдъ-Гарольда сопровождала г. Теплякова на корабль, принесемъ его къ Оракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строфъ

Adieu, adieu, my native land!

отзываются въ самомъ началѣ его пѣсень :

Плывемъ! . . . Блѣднѣетъ день; бѣгутъ берега родные;
Златой струится блескъ по синему пути;
Прости, земля! прости Россія!
Прости, о родина, прости!

Но уже съ первыхъ стиховъ поэтъ обнаруживаетъ самобытный талантъ :

Безумецъ! что за грусть? Въ минуту разлученья
Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?
Чьи слышалъ ты благословенья?
Одно минувшее мудренымъ, тяжкимъ сномъ
Въ тотъ мигъ душъ твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей чѣльнъ,
И бездны, передъ ней отверстыя, казало! —
Пусть такъ! Но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ
Печально въ сердца раздается!
Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несется!
О, лютя страшика, святой отъ грусти щить,
Приди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летить!

I.

Пускай на юность ты мою
Вънецъ терновый паложилъ —
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца прочь летите!
Къ отчизнѣ душу не маните!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Съдыя волны, не дремите!

II.

Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный мѣръ! въ твоёмъ сіяньи
Сгараетъ, тонетъ мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родинѣ, молчите:
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Съдыя волны, не дремите!

III.

Увижу я страну боговъ;
Краснорѣчивый прахъ открою:
И зашумитъ передо мною
Рой незапамятныхъ вѣковъ!
Гуляйте-жъ, вѣтры, не молчите!
Утесы родины, простите!

Тамъ никому меня не жаль!
 Синѣй, синѣй, чужая даль!
 Съдыя волны, не дремите!

Тутъ есть гармонія, лирическое движеніе, истина чувствъ!

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ, прослав-
 ленныхъ изгнаніемъ Овидія; они мелькаютъ передъ
 нимъ на краю волнъ,

Какъ поясъ желтый и струистый.

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гробницу Овидія,
 стихами слишкомъ небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Гролка, какъ дальній шумъ побѣдной колесницы!
 О! кто средь мертвыхъ сихъ песковъ
 Мнѣ славный гробъ его укажетъ?
 Кто повѣсть мукъ его расскажетъ —
 Степной ли вѣтръ, иль плескъ валовъ,
 Иль въ шумъ бури гласъ вѣковъ?...
 Но тише... тише... что за звуки?
 Чья тѣнь надъ бездною съдой
 Меня манитъ, подъемля руки,
 Качая тихо головой?
 У ногъ лежитъ вѣнецъ терновый (!),
 Въ лучахъ сіяетъ голова,
 Бѣлье волнъ хитонъ *перловый*,
Святѣй ихъ ропота слова. —
 И подъ зѣвными перстами

Корабль твой гнется и трепещет!»

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .

«Вели стрѣлять! Быть можетъ, насъ
 Какойнибудь въ сей страшный часъ
 Корабль услышитъ отдаленный!» —
 И грянулъ знакъ . . . . и все молчить,
 Лишь море бѣется и кипить,
 Какъ тигръ бросающъ разъяренный; —
 Лишь вѣтра свистъ, лишь бури вой,
 Лишь съ неба голосъ громовой
 Толпѣ отвѣтствуютъ смятенной.»
 «Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!»
 — Не ты-ль дерзнулъ бы въ этотъ мигъ,
 О странникъ, бурь улыбаться? —
 «Ты отгадалъ! . . .» Я сердцемъ съ ней
 Желалъ-бы каждый мигъ сливаться;
 Желалъ-бы въ бой стихій вмѣшаться! . . .
 Но пѣть, — и громче, и сильнѣй
 Святой призывъ съ другаго свѣта,
 Слова погибшаго поэта
 Теперь звучать въ душѣ моей!

Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезаютъ берега, съ ко-
 торыхъ низвергаются въ море воды семиустаннаго
 Дуная.

Какъ старъ сей шумный Истръ! *Чела его морщины*
Съдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:

Во мглахъ ихъ Дарія мелькаеть челябъ нѣмой,
 Мелькають и орлы Траяновой дружины.
 Скажи, сафирный богъ, надъ берегомъ ли твоимъ,
 По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необозримый,
 Средь тучи варваровъ, на этотъ вѣщный Римъ
 Летѣлъ Сатурнъ неотразимый?
 Не ты ль спираль свой быстрый бѣгъ
 Народовъ съ бурными волнами,
 И твой ли въ ихъ крови *не растопился* берегъ,
 Племенъ безчисленныхъ усѣянный костями?

Хотите ль знать, зачѣмъ, куда,
 И изъ какой глуши далекой
 Неслась ихъ бурная череда,
 Какъ лавы огненной потоки?
 — Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
 Къ богатымъ нивамъ и лугамъ
 По вѣтру саванъ свой летучій
 Мчатъ саранчи голодной тучи;
 Спросите молнію, куда она летить,
 Откуда ураганъ крушительный бѣжить,
 Зачѣмъ кочуетъ валъ ревучій!

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣдная картина народа кочующаго; размышленія при видѣ развалинъ Венеціанскаго замка имѣють ту невыгоду, что напоминають нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чильдъ—Гарольда, строфы, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе. Но вскорѣ поэтъ снова одушевляется.

Улегся вѣтеръ ; водъ стекло
 Яснѣй небесъ лазурныхъ блещетъ ;
 Повисшій парусъ нашъ, какъ лебеда крыло ,
 Свинцомъ охотника пронзенное , трепещетъ .
 Но что за гулъ?.. Какъ громъ глухой
 Надъ тихимъ моремъ онъ раздался. —
 То грохотъ пушки заревой ,
 Изъ Русской Варны онъ примчался !
 С радость ! завтра мы узримъ
 Страну поклонниковъ Пророка ;
 Подъ небомъ вѣчно-голубымъ
 Упьемся воздухомъ твоимъ ,
 Земля роскошнаго Востока !
 И въ темныхъ миртовыхъ садахъ ,
 Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ журчаньи ,
 При соблазнительныхъ луны твоей лучахъ ,
 Въ твоемъ , о юная невольница , лобзаньи
 Цвѣтовъ родной твоей страны ,
 Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье
 И жаръ , и свѣжесть ихъ весны !...

Элегія «Гебеджинскія Развалины», по мнѣнію нашему, лучшая изъ всѣхъ. Въ ней обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ даннымъ позволеніемъ, выписываемъ большую часть этой Элегіи.

Столбовъ , поникнувшихъ сѣдыми головами ,
 Столбовъ у Тлѣвности угрюмой на часахъ ,

Стоящихъ пасмурно надъ падшими столбами —
Повсюду сумрачный дедалъ въ моихъ очахъ!

. . . . .
. . . . .
. . . . .

Дружины мертвецовъ гранитныхъ!

Не вы ли стражи тѣхъ столбовъ,

На конхъ чудеса вѣковъ,

Искусствъ и знаній первобытныхъ

Рукою Сивовыхъ начертаны сыновъ?...

Какъ знать? И здѣсь былой порою,

Творенья, можетъ быть, весною,

Родъ человѣческій безъ умолку жужжалъ —

Въ тѣ времена, какъ нашихъ башенъ

Главою отрокъ достигалъ,

И мамонта, могучъ и страшень,

На битву равную охотникъ вызывалъ!

Быть можетъ, нѣкогда и въ этомъ запустѣннѣ

Гигантской роскоши лилось обвороженье:

Вдвигались портики близъ кедровыхъ палатъ,

Кругомъ висячіе сады благоухали,

Тѣснились мѣдныя чудовища у вратъ,

И мраморъ золотомъ расписанныхъ аркадъ

Слоны гранитные хребтами подпирали!

И здѣсь огромныхъ башенъ лѣсъ,

До вѣковыхъ переворотовъ,

Пронзалъ, быть можетъ, сводъ небесъ,

И пѣна горныхъ струй, средь пальмовыхъ деревьевъ,

Изъ пасти бронзовыхъ сверкала бегемотовъ! —

И здѣсь на жертвенную кровь,

*

Быть можетъ, мирными увѣнчанные цвѣтами,
Колоссы яшмовыхъ боговъ
Глядѣли весело алмазными очами...
Такъ, такъ! подлуннаго величія звѣздой
И сей Ничтожества былъ озаренъ объѣдокъ, —
Париль умовъ надмѣнныхъ рой,
Цвѣла любовь... и напоследокъ —
Повсюду смерть, повсюду прахъ
Въ печальныхъ странника очахъ!

Лишь ты, Армида красотою,
Надъ сей могилой въковою,
Природа-мать, лишь ты одна
Души магической полна!
Какою роскошью чудесной
Сей градъ развалинъ неизвѣстный
Повсюду богатить она! —

Взгляните: этотъ столбъ, гигантъ окаменѣлый,
Какъ въ полѣ колосъ переспѣлый,
Къ землѣ онъ древнею склонился головой;
Но съ нимъ, подвинутый годами,
Сосѣдъ, увѣнчанный цвѣтами,
Гирляндой связанъ молодой;
Но съ головы его маститой
Кудрей зеленыхъ вьется рой,
И плащъ изъ листьевъ шелковитый,
Колышетъ вѣтръ на немъ лѣсной!
Вотъ столбъ другой: на дернъ кудрявый,
Какъ трупъ онъ рухнулъ безглавый;

Но по сіяющимъ развалины рубцамъ
 Играетъ свѣжій плющъ и вѣтсея миртъ душистый,
 И великана корень мшистый
 Корзиной вешнимъ сталъ цвѣтамъ!
 И вмѣсто рухнувшей громады
 Ужъ юный тополь нѣжить взгляды,
 И тихо все... лишь соловей,
 Какъ сердце, полное—то безнадежной муки,
 То чудной радости—съ густыхъ его вѣтвей
 Свои льетъ пламенные звуки...
 Лишь посреди сѣдыхъ столбовъ,
 Хаоса дикихъ травъ, обломковъ и цвѣтовъ,
 Вечернимъ золотомъ облитыхъ—
 Семейство ящерицъ отъ странника бѣжить,
 И въ камняхъ, зелени узорами обвитыхъ,
 Кустами дальними шумить!...
 Иероглифы въковые,
 Былаго міра мавзоль!
 Межь вами и душой моей,
 Скажите, что за симпатія? —
 Нѣтъ! вы не мертвая Ничтожества строка:
 Вашъ прахъ—урокъ судьбы тщеславію потомковъ;
 Живѣй ли гордый лавръ сихъ дребезговъ цвѣтка?...
 О дайте жь, дайте для вѣнка
 Мнѣ листьевъ съ мертвыхъ сихъ обломковъ!
 Остатки Древности святой,
 Когда безмолвно я надъ вами
 Парю крылатою мечтой —

Вѣка смѣняются вѣками,
Какъ волны моря предо мной!
И съ великанами былыми —
Тогда я будто какъ съ родными,
И неземнаго бытія
Призывъ блаженный слышу я!...

Но день погасъ, а я душою
Къ симъ камнямъ будто пригвождёнъ,
И вотъ ужъ яхонтовой мглою
Одѣлся вѣчный небосклонъ.
По морю синяго зѣбра,
Какъ чели мистическаго міра,
Царица ночи поплыла,
И на чудесныя громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тѣнь лѣсную, навела.
Рубины звѣздъ надъ нею блещутъ,
И межъ столбовъ сѣдыхъ трепещутъ;
И будто движа ихъ, встаютъ
Изъ-подъ земли былаго дѣти,
И мертвый градъ свой узнаютъ,
Паря во мглѣ тысячелѣтій. . .

Звѣрей и птицъ nocturnыхъ приютъ,
Давноминувшаго зеркало,
Ничтожныхъ дребезговъ твоихъ
Для градовъ нашихъ бы достало!
Къ обломкамъ гордыхъ зданій сихъ,

О, Альнаскары! приступите,
 Свои имъ грезы расскажите,
 Откройте имъ: боговъ земныхъ
 О чемъ тщеславіе хлопочеть?
 Чего докучливый отъ нихъ
 Народовъ муравейникъ хочеть?...
 Ты правъ, божественный пѣвецъ:
 Вѣкъ вѣковъ лишь повторенье!
 Сперва—свободы обольщенье,
 Гремущки славы наконецъ;
 За славой—роскоши потоки,
 Богатства съ золотымъ ярмомъ,
 Потомъ—изящные пороки,
 Глухое варварство потомъ!...

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!

Остальныя элегіи (между коими шестая весьма замѣчательна) заключаютъ въ себѣ недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выраженія переходящую часто въ надутость, яркость описанія затемненную иногда неточностію. — Вообще главные достоинства «Оракійскихъ Элегій»: блескъ и энергія; главные недостатки: напыщенность и однообразіе. —

Къ «Оракійскимъ Элегіямъ» присовокуплены разныя мелкія стихотворенія, имѣющія неоспоримое достоинство: вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если бы г. Тепляковъ ничего дру.

гаго не написалъ, кромѣ элегій *Одиночество* и станса *Любовь, и Ненависть*; то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами. Заключимъ разборъ, выписавъ стихотвореніе, которымъ заключается и книга г. Теплякова.

ОДИНОЧЕСТВО.

I.

Въ лѣсу осенній вѣтръ и стонеть, и дрожить;
По морю темному ревучій валъ кочуетъ;
Уныло крупный дождь въ окно мое стучить;
Раздумье тяжкое мечты мои волнуетъ.

II.

Мнѣ грустно! Догорѣлъ каминъ трескучій мой;
Последній красный блескъ надъ угольями вьется....
Мнѣ грустно! Тусклый день ужъ гаснетъ надо мной;
Ужъ съ неба темнаго туманный вечеръ льется.

III.

Какъ сладко онъ для двухъ супруговъ пролетитъ,
Въ кругу, гдѣ бабушка *вугаѣтъ* своихъ ласкаетъ;
У кресель дѣдовскихъ красавица сидитъ —
И былямъ старины, работая, винмаетъ!

IV.

Мечта докучная! зачѣмъ передъ тобой
Супруговъ долги лобзанья пламенѣютъ?
Что въ томъ, какъ ихъ сердца, подъ ризою ночной,
Средь ненасытныхъ ласкъ, въ палящей нѣгѣ мѣютъ,

V.

Межь тѣмъ какъ онъ кипить, мой одинокій умъ!
 Какъ сердце сирое, облившись кровью, рвется,
 Когда душа моя, средь вихря горькихъ думъ,
 Надъ ихъ мучительно-завидной долей вьется!

VI.

Но если для меня безвѣстный уголокъ
 Не созданъ, темными дубами осѣненный,
 Подруга милая и яркій камелѣкъ,
 Въ часы осеннихъ бурь друзьями окруженный, —

VII.

О жарь святыхъ молитвъ, зажгись въ душѣ моей!
 Лучь вѣры пламенной блесни въ ся пустынь?
 Пролейся въ грудь мою цѣлительный елей:
 Пусть сны вчерашніе не мучать сердца нынѣ!

VIII.

Пусть, упоенная надеждой неземной,
 Съ душой всемірною моя соединится;
 Пускай сей мрачный доль исчезнетъ предо мной;
 Осенній въ окна вѣтръ, бушуя, не стучится!

IX.

О, пусть превыше звѣздъ мой вознесется духъ,
 Туда, гдѣ взоръ Творца ихъ соимы зажигаетъ!
 Въ мірахъ надсолнечныхъ пускай мой жадный слухъ
 Органамъ ангеловъ, восторженный, внимаетъ...

X.

Пусть я увижу ихъ, въ безмолвіи святомъ ,
Предъ трономъ Вѣчнаго, колѣнопреклоненныхъ ;
Прочту символы тайнъ, пылающихъ на немъ ,
И юнымъ первенцамъ творенья откровенныхъ . . .

XI.

Пусть Соломоновой премудрости звезда
Блеснетъ душѣ моей въ безоблачномъ зѣфирѣ;
Поправь земную грусть, быть можетъ, я тогда
Не буду тосковать о другѣ въ здѣшнемъ мірѣ!

